

СООБЩЕСТВА МИГРАНТОВ И ДИАСПОРЫ

© Г.Ф. Габдрахманова, Э.А. Сагдиева, П. Фрайер

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ МИГРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СТРАТЕГИИ, ПРАКТИКИ, ФОРМЫ КАПИТАЛА

Ключевые слова: Российская Федерация, Кыргызская Республика, кыргызы, миграция, капитал, формы капитала, типы капитала, конвертация капитала

Ключевое значение в формировании стратегий и практик постсоветских мигрантов из Средней Азии играет история самой миграции, в ходе которой кыргызам удалось накопить политический, экономический, физический, человеческий, социальный и культурный капитал. Его институционализация, инкорпорация и материализация привели к высокому качеству миграции: для приезжающих в Россию кыргызов действует упрощенный порядок оформления пребывания в стране; они имеют доступ к более статусным сферам труда, высокие заработки в экономически выгодных для них регионах, конвертируют знания и умения в экономический и социальный капиталы, обладают устойчивыми разветвленными социальными связями. В настоящее время наблюдается дальнейшая капитализация имеющихся у кыргызских мигрантов ресурсов. Стимулами и ограничителями данного процесса является множество факторов, в т.ч. вступление Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз.

Наш проект, объединивший два направления — миграция кыргызов в РФ после вступления в 2015 г. Кыргызской Республики (КР) в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и адаптация кыргызских мигрантов в Республике Татарстан (РТ), — начинался в Казани зимой 2018 г. Мы ожидали, что если в России за последнее на момент исследования два года наблюдался рост миграции из Кыргызстана¹

Гульнара Фаатовна Габдрахманова | <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234> | medi54375@mail.ru | д. соц. н., доцент, заведующая отделом этнологических исследований | Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (ул. Батурина 7А, Казань, 420111, Россия)

Эльвина Азатовна Сагдиева | <https://orcid.org/0000-0003-4510-9467> | elvina_n@inbox.ru | к. соц. н., старший научный сотрудник отдела этнологических исследований | Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (ул. Батурина 7А, Казань, 420111, Россия)

Пол Фрайер | <https://orcid.org/0000-0002-9850-9205> | paul.fryer@uef.fi | PhD, доцент, старший преподаватель кафедры географии и истории | Университет Восточной Финляндии (P.O. Box 111, FI-80101 Йоэнсуу, Финляндия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов:
Государственная программа Республики Татарстан [регистрационный № 18.0047]
Академия Финляндии (Suomen Akatemia) [№ 310853]

(по некоторым оценкам в два раза²), то он возможен и в Татарстане, а кыргызы, как и другие среднеазиатские приезжие, будут демонстрировать высокий интерес к РТ как к культурно близкому региону. Предыдущие исследования положения мигрантов таджиков и узбеков в Татарстане выявили высокую значимость для них богатой представленности ислама в республике, толерантность старожилов, близость узбекского и татарского языков (Габдрахманова, Сагдиева 2016), “удобочитаемость” (легкость, с которой город может быть “прочитан” и понят) и “разборчивость” (степень узнаваемости по внешнему виду отдельных компонентов городской среды) визуального пространства Казани (в сравнении с Санкт-Петербургом), позволяющая мигрантам чувствовать себя в безопасности (Nasritdinov 2016b). Казань и Бишкек связывает прямое авиасообщение, в Татарстане действует кыргызское сообщество «Ынтымак» — все это, на первый взгляд, может стимулировать миграцию кыргызов в республику. Однако, “выйдя в поле”, мы столкнулись с проблемой рекрутирования респондентов. Материалы статистики дали некоторое объяснение возникшей проблеме. Миграция из Кыргызстана в Татарстан крайне мала, ее объемы сокращаются, за 2011–2016 гг. она снизилась в три раза: с 1309 до 397 человек (за этот же период снижение числа мигрантов из других стран Средней Азии составило: из Узбекистана — с 3189 до 2227, из Таджикистана — с 1714 до 1237, из Туркменистана — с 159 до 94 человек)³. Граждане КР (а это практически только кыргызы⁴) предпочитают работать в Центральном федеральном округе (47% в Москве и Московской области), в других округах их значительно меньше: в Приволжском и Уральском — по 14%, в Северо-Западном — 7, в Сибирском — 12, в Дальневосточном — 3, в Южном — менее 1%⁵. В Москве и Московской области трудится лишь треть иностранных работников, приезжающих в РФ, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — около 15%⁶. С чем связана концентрация кыргызов в отдельных регионах России — вопрос, развернувший проект в новую научно-исследовательскую плоскость.

Проблемное поле исследования. Среди особенностей нетипичности кыргызской миграции выделяются: ее усиление с Запада на Восток, несопоставимость по интенсивности с узбекской и китайской (Варнавский 2011: 87–88), мобильность и более высокие трудовые статусы кыргызов в сравнении с другими рабочими из Средней Азии (Ситнянский, Бушков 2016: 154). Каждая среднеазиатская этническая группа, приезжающая на работу в Россию, имеет собственную конфигурацию мигрантских практик: “...по-своему выстраивает приоритеты и сети поддержки, реагирует на меняющиеся обстоятельства и осваивает заработанные за пределами родины средства” (Абашиин 2012: 10).

Для понимания драматургии миграции целесообразным представляется подход, анализирующий все три ее этапа: подготовительный, переезд и обустройство, возвращение. Множество исследований посвящено мигрантам в РФ: функционированию их анклавов (Кузнецов, Мукомель 2005), мигрантской экономике (Безбородова 2012), инфраструктуре “для себя” — этнических кафе (Пешкова 2015), их медицинских центров (Kashnitsky, Demintseva 2017; Рочева 2014) и сети посредников, предоставляющих разнообразные услуги (Мухаметшина 2013; Габдрахманова, Сагдиева 2016: 50–71). Специальной темой исследования стала жизнь после миграции⁷. Отметим, что в последние годы изданы труды о миграции в Кыргызстане (Мкртчян, Сапрыгулов 2011; Fryer et al. 2014; Nasritdinov 2016a; Schmidt, Sagynbekova 2008), о миграции в условиях ЕАЭС (Sagynbekova 2017), о связи перемещений и бюджетов домохозяйств (Atamanov, Van den Berg 2012), о мигрантах в Москве (Варшавер, Рочева 2015: 24–37; Кочкин и др. 2014; Reeves 2015) и регионах России (Варнавский 2011; Габдрахманова и др. 2014). Выделим публикации о советской миграции из Средней Азии (Переведенцев 1975: 56–94), о владении кыргызами русским языком (Kosmarskaya 2015; Orusbaev et al. 2008)⁸, сохраняющим в Кыргызстане “важную, а подчас и ключевую роль во всех сферах жизни республики”⁹, о стандартах двойной экономики домохозяйств

(Варнавский 2013: 40). Гипотеза, выдвинутая на первом уровне анализа разнообразия практик среднеазиатских мигрантов (включая их предпочтения в отношении российских регионов), заключается в прямой связи специфических моделей миграции с ее историей, в ходе которой этнические группы накопили разные объемы капитала.

Методология и методика исследования. Исследование основывается на теории рационального выбора Дж. Коулмана, суть которой состоит в том, что социальная среда и социальная ситуация структурируют существующие альтернативы и оказывают решающее воздействие на принимаемые акторами решения. В результате у группы формируются специфические ценности, которые влияют на общество (Коулман 2004). Как движущую силу данного процесса мы рассматриваем капитал, понимаемый П. Бурдьё в качестве основы имманентных социальному миру закономерностей. Капитал может принимать овеществленную (достигнутые диспозиции), инкорпорированную (воплощаться в отдельных людях и в отношениях между ними) и институализированную (в виде прав) формы (Bourdieu 1986). Он обладает свойством ликвидности (имеет стоимостное измерение), способностью к конвертации (постоянная смена форм, приносящих добавочную стоимость) и в зависимости от типа может быть политическим, экономическим, физическим, человеческим, социальным и культурным (Радаев 2002). Теоретическая рамка определила гипотезу второго уровня. Во время миграции в Россию кыргызские мигранты накопили капитал всех шести типов в овеществленной, инкорпорированной и институализированной формах, приносящий им дивиденды в виде доступа к более статусным сферам труда и пребывания в более экономически выгодных для них регионах, наращивания имеющихся или приобретаемых знаний и умений, конвертации устойчивых разветвленных социальных связей в дополнительную прибыль. Это обеспечило высокое качество миграции кыргызов. В настоящее время происходит дальнейшая капитализация имеющихся у них ресурсов.

При изучении овеществленной и инкорпорированной форм капитала целесообразным представлялся метод глубинного интервью, который давал возможность анализа не только стратегий и практик мигрантов, но и мотивов, тактик, имеющихся ресурсов и способов их реализации, социальных отношений, результатов работы, ситуаций возвращения. Процессуальность и многоаспектность миграции простимулировали к изучению кыргызов, имевших ее опыт или работающих/живущих на момент исследования в России. Нами было проведено 37 интервью: восемь в РТ (в г. Казани), 29 в КР (в городах Бишкек, Кант, Ноокат, Ош, с. Чон Далы Ысык-Атинского р-на), а также шесть интервью с экспертами — сотрудниками Государственной службы миграции при Правительстве КР, учеными, руководителями общественных организаций Кыргызской Республики и Республики Татарстан. Для изучения институализации капитала мигрантов к анализу привлечены доктринальные документы о миграции между РФ и КР.

Об особых правовых условиях

В конце советского периода кыргызы, как и представители других этнических групп среднеазиатских республик, активно мигрировали в РСФСР. Один из информантов рассказывает: “Раньше ездил, работал в государственном снабжении. Ездил по всему СССР. <...> Я шесть лет работал в госснабе. Как говорится, купец первой гильдии” (№ 2, муж., 60 л., КР). Уже тогда проявлялись региональные предпочтения кыргызов. Эксперт, проживающий ныне в РТ, вспоминая свой выбор вуза, отметил: “...Москву и Питер всегда уходили туда (учиться. — *Авт.*), в Казань никто не хотел” (эксперт № 2, РТ).

Ухудшение социально-экономической ситуации в постсоветском Кыргызстане стимулировало массовый выезд населения из республики. Говоря о своем возвращении

на родину после завершения обучения в Казани, один из экспертов рассказывал: «Когда из аэропорта вышел... помню уйгурка из Бишкека... мне говорит: “Какие планы?” Я: “Вот так-так, видишь — уезжаю”. Она мне: “Дурак что ли? Че ты там будешь делать? Оттуда люди сюда бегут, ...знаешь как жить тяжело!» (эксперт № 2, РТ). В результате он вернулся в РФ. Приехавшие в Россию на рубеже 1980—1990-х годов получили российское гражданство. Это стало возможным благодаря подписанному 26 февраля 1999 г. четырехстороннему соглашению между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства РФ. Только “с 2006 года по упрощенной системе гражданство России получили 476 тысяч кыргызстанцев... они писали расписку об отказе от гражданства Кыргызстана”¹⁰.

Все участники исследования сообщили о наличии у них или у ближайших родственников гражданства РФ. Его стремились получить семьями, многие помогали близким: “...через меня получили гражданство двое моих братишек, сноха. <...> А другой попал через жену” (№ 5, жен., 55 л., РТ). Кыргызы стремились осесть в России, потому что эта страна “платит нормально” (№ 9, муж., 36 л., КР). Так, в конце 1990-х годов началась институционализация политико-правового капитала кыргызов, благодаря чему они приобрели особые права в РФ. “Пока паспорт не получил, кидали... как гражданство получил, так все — официальная работа” (№ 28, муж., 52 г., КР).

Новые стимулы для наращивания политико-правового капитала у кыргызов появились после вступления КР в ЕАЭС. По Договору от 23 декабря 2014 г. трудовые мигранты из этой страны во время пребывания в РФ освобождаются от оформления патента на трудовую деятельность. Они должны лишь сделать регистрацию на период трудового договора с работодателем. Длительность пребывания в России без регистрации составляет 30 дней (для граждан других государств — 7 дней). Приезжающим на заработки из КР не нужно сдавать экзамен на знание русского языка, истории и основ российского законодательства, получать медицинские справки. В России они имеют доступ к обязательному страхованию, их дети могут посещать дошкольные учреждения и получать общее и профессиональное образование.

[У кыргызов] нет необходимости при трудоустройстве проходить процедуру признания документов о квалификации. Обеспечивается взаимное признание документов об образовании по абсолютному большинству специальностей. <...> Трудящиеся из государств — членов ЕАЭС уже с первого месяца начинают уплачивать налоги на доходы физических лиц по аналогичной с резидентами ставке (в России — это 13%), для граждан других государств первые 6 месяцев со дня трудоустройства применяется отличная ставка указанного налога (в России — 30%). <...> Нет квот при заключении трудовых соглашений с работодателями¹¹.

Несколько информантов отметили отрицательные последствия вступления КР в ЕАЭС. В первую очередь это повышение цен: “Дорого стало у нас там в Киргизии. ...машины поднялись в цене. <...> В два раза, по-моему, поднялось. Также и продукты” (№ 3, муж., 41 г., РТ). Продавцы на рынках “Дордой” и “Кара-Суу” подчеркнули, “что из-за того, что вошли в Таможенный союз, идет упадок” (№ 24, жен., 60 л., КР). “Упадок” связывается также с поднятием цен на сырье и на товары в Китае и Турции, с сокращением объемов оптовых закупок и числа покупателей¹². Респонденты отметили снижение розничных цен, особенно в крупных российских городах: “...в другие города я в неделю 2000 (единиц товара. — *Авт.*) спокойно отправлю. А именно в Москву я 500 отправлю” (№ 19, жен., 50 л., КР), а также объема оптовых продаж: “Раньше наши челноки из Китая заказывали, в Россию поездом из Кыргызстана везли. А сейчас растаможки нету, поэтому прямо везут, прямо грузят. Челнокам обидно стало, они бизнес свой потеряли” (№ 16, муж., 33 г., КР). В то же время ими отмечаются: снижение расходов (“В то время растаможка 30, 40 рублей

была за килограмм, а сейчас 22, 20, самый потолок – 25” [№ 19, жен., 50 л., КР]), ускорение товарооборота (“...если раньше приходило неделю, сейчас за пять дней может прийти. ...на таможне долго не держат” [№ 3, муж., 41 г., РТ]), облегчение условий работы (“...было время все с мешками ездили на себе” [№ 3, муж., 41 г., РТ]; “Раньше 2–3 карго [транспортная компания, занимающаяся доставкой грузов. – *Авт.*] было, а сейчас очень много” [№ 21, жен., 36 л., КР]) и безопасность бизнеса.

Главным преимуществом вступления КР в ЕАЭС стало облегчение пребывания кыргызских мигрантов в РФ, поскольку у них “расходы по легализации в десять раз меньше, чем у узбеков” (эксперт № 2, РТ). Один из информантов вспоминал: “...раньше, когда я учился, полицейские везде останавливали, штрафовали” (№ 7, муж., 30 л., КР). Сейчас во время полицейских рейдов “мы ему (проверяющему. – *Авт.*) говорим, что у нас Таможенный союз. Они ничего не спрашивают” (№ 9, муж., 36 л., КР) и “на границе тоже легче. Например, в очереди (в аэропорту. – *Авт.*) не стоишь, Таможенному союзу отдельная линия есть. Там сразу пропускают” (№ 9, муж., 38 л., РТ). Одна респондентка говорила о России: “...везде могу свободно (передвигаться. – *Авт.*), никто не боится” (№ 26, жен., 55 л., КР), а другая отмечала, что Кыргызстан после вступления в ЕАЭС стал более уверенным в национальной безопасности: «До этого у нас в аэропорту американские стояли военные. Совсем убрали. Россия говорит: “Или с ними, или с нами”. Мы в Россию. Поэтому Таможенный союз нам в плюс» (№ 5, жен., 55 л., РТ).

Конец 1990-х – 2000-е годы для кыргызов стали временем накопления политико-правового капитала. Его институционализация через облегченные условия получения гражданства РФ и пребывания в ней, его инкорпорация путем вовлечения ближайшего окружения в процесс легализации привели к формированию овеществленных форм капитала (доступ к образованию, медицине, качество бизнеса, безопасность и т.д.).

Экономический капитал

Большинство информантов – граждан РФ сообщило о наличии у них или их ближайших родственников, также имеющих российское гражданство, собственной или выкупаемой недвижимости в России. “У меня сын в Москве... В этом году квартиру купили” (№ 26, жен., 55 л., КР); “Я сам взял квартиру в ипотеку ...пять лет уже выплачиваю. <...> Однушка, мы внятером в ней живем... я взял и не жалею” (№ 7, муж., 42 г., РТ). Такие приобретения рассматриваются информантами как вложение в будущее семьи (“...вдруг дети повзрослеют и захотят в Россию” [№ 21, жен., 36 л., КР]) и в личную безопасность (“...у нас очень опасный регион. Там Афганистан, рядом Таджикистан. <...> Поэтому я держу здесь квартиру. Я ни за что не продам. <...> и гражданство я никогда не сдам, чтобы меня защитили” [№ 5, жен., 55 л., РТ]). Сообщалось и о других видах экономического капитала: информанты получали материнский капитал при рождении ребенка, пособие по уходу за ним, льготы: “...на третьего (ребенка. – *Авт.*) участок дали” (№ 4, жен., 33 г., РТ). Женщина из Бишкека рассказала о планах сделать операцию в России по квоте (бесплатно): “Здесь (в КР. – *Авт.*) три с половиной тысячи долларов эта операция – менять коленную. – *Авт.*) чашку” (№ 22, жен., 68 л., КР).

Отмечались и отрицательные последствия принятия российского гражданства. Это сложности, возникающие в КР при оформлении жилья или земли (“...все на детей оформлено, на родственников” [№ 5, жен., 55 л., РТ]), при трудоустройстве (“Здесь не возьмут [на работу. – *Авт.*] с российским паспортом... Не любят” [№ 9, муж., 36 л., КР]). Продавец на рынке “Дордой” в КР отметила: “...это место, чтобы арендовать... как... гражданка России, должна платить больше налогов” (№ 21, жен., 36 л., КР). Проблему начали обсуждать на высшем государственном уровне¹³.

Политико-правовой капитал простимулировал изменения в социально-профессиональной структуре кыргызов. По мнению респондентов, имеющие российское гражданство смогли трудоустроиться в сферы, требующие высокой квалификации, традиционно закрытые для мигрантов. “Здесь они все грузчики были, а там некоторые уже преподаватели, учатся. Даже таксистов у них нету. Все его друзья на высшие пошли” (№ 26, жен., 55 л., КР); “В Москве уже дворников-киргизов почти нет” (эксперт № 2, РТ); “Полицейскими теперь берут на работу” (№ 1, жен., 23 г., КР). Они имеют сравнительно высокую зарплату. “Хорошо оплачиваемая работа дается тем гражданам, которые имеют российское гражданство. А Таджикистан, Узбекистан, Казахстан — не хорошо платят” (№ 2, муж., 60 л., КР). Информанты подчеркивали, что “узбеки — они на любую работу согласны, лишь бы чтоб платили, за копейки согласны. А наши киргизы на это не пойдут...” (эксперт № 1, РТ); “Таджики, узбеки — они в магазинах и 20, и 30, и 50 тысяч получают. А наши кыргызстанские, которые туда едут, за 20 там не будут работать” (№ 27, муж., 51 г., КР).

Кыргызы обладают экономическим капиталом в овеществленной форме: благодаря наличию особых прав они смогли занять более высокие позиции в сравнении с другими среднеазиатскими мигрантами. Именно это привело к концентрации кыргызов в тех российских городах, где им были предоставлены возможности для реализации накопленного капитала и удовлетворения высоких экономических запросов. Информанты часто рассказывали о том, что в первый раз они приезжали в относительно небольшие города на территории России, а потом перебирались в столицы (страны или республик) или в сибирские регионы. Одна из информанток первоначально приехала в Екатеринбург, там ей “понравилось, но родственники предложили работу в Москве... можно зарабатывать побольше” (№ 14, жен., 52 г., КР). Эксперт из Казани делился опытом рекрутирования потенциальных работников для предприятий Татарстана в КР. После двух неудачных попыток он отказался от этой идеи, потому что ему говорили: “Нет, лучше в Москву поедem работать, на север, Новосибирск, Красноярск. Там в два раза, в три раза больше зарплата... в Казани 15 тысяч средний заработок, а в Москве 40, 50, 60 тысяч” (эксперт № 2, РТ).

Истории роста запросов на зарплату звучали почти в каждом интервью: «У меня там (в России. — *Авт.*) сначала 70 тысяч рублей было, а потом уже с местными ребятами познакомился, и они говорят: “А что Вы здесь то работаете? Пошлите с нами”. Самое малое у них где-то 90 тысяч выходит. А за 80-70 они говорят, мы не будем работать, будем лучше в потолок плевать» (№ 27, муж., 51 г., КР). В результате сформировались центры притяжения кыргызских мигрантов. Среди информантов оказалось лишь два человека, не желающих работать в городах с высокими заработками: “Народ не нравится. Люди, движение. Здесь (в Казани. — *Авт.*) давно уже. Друзья, все здесь. <...> Все трутся, гонятся куда-то там. Люди такие вредные. Здесь спокойно. А у них, если что-то спросишь, они бегут быстрее. Как будто ты что-то хочешь отобрать. Убегают. Москва есть Москва” (№ 3, муж., 41 г., РТ).

Экономическим капиталом кыргызов, как выявило наше исследование, является и их бизнес. Те, кто не имеет российского гражданства, открыли свое дело на родине благодаря заработанным в России деньгам. Об этом поведали владельцы торговых точек на ошском рынке “Кара-Суу”. Некоторые граждане России организовали небольшие транснациональные торговые предприятия. Респондентка из Казани занимается продажей женской одежды на местном рынке “Тура”, а ее дочь — организацией пошива в КР и отправкой груза.

Вступление КР в ЕАЭС позволило кыргызским предпринимателям наладить экономические отношения с Россией: “Челябинск, Воронеж, Барнаул, Новосибирск. <...> У меня все оптовики — русские в основном. <...> Вышли через этикетку” (№ 19, жен., 50 л., КР). Такой бизнес может основываться на доверии:

“Сперва они (российские предприниматели. — *Авт.*) покупают товар. Посмотрим, как они работают... а потом, если мы им верим, то просто так товар отправляем. А они нам деньги высылают” (№ 19, жен., 50 л., КР). По данным за 2018 г. трансферы из России составили: в Кыргызстан — 2235 млн долл., в Таджикистан — 2628 млн, в Узбекистан — 3689 млн долл. При этом количество мигрантов из Кыргызстана, поставленных на учет в РФ, почти в три раза меньше, чем из Таджикистана, и в пять раз — чем из Узбекистана¹⁴. Новые экономические, социальные, профессиональные статусы кыргызов способствовали повышению их материальной обеспеченности.

Культурный капитал

Культурный капитал — это кыргызские кулинарные традиции и русский язык. Женщина, работавшая на рынке Оренбурга, рассказала об опыте продажи кыргызских блюд: “Я смотрю — там еды мало, именно национальных блюд нет. И я потихонечку начала готовить блюда. <...> Все меня знают, уже заказывают” (№ 26, жен., 55 л., КР). Хотя традиционная кухня достигла высокой степени капитализации у среднеазиатских мигрантов, но более активно в качестве ресурса ими используется русский язык. Особенно это свойственно кыргызам: респонденты, отвечавшие на вопросы на кыргызском языке, смогли найти работу лишь посудомойщика и грузчика из-за того, что “с языком проблема” (№ 13, муж., 30 л., КР). Оба вернулись на родину. Свободно владеющие русским языком нередко рассказывали о том, как это помогало им при поиске работы (особенно квалифицированной) или во время нее. Одна информантка сообщила, что начинала работать уборщицей в магазине известной международной косметической компании, а через два месяца получила должность бригадира. Карьеру она сделала благодаря хорошему школьному образованию на русском языке, а о своей предшественнице отзывалась так: “...узбечка по-русски не знает. Сами администраторы попросили, чтобы поменяли” (№ 14, жен., 52 г., КР).

Ликвидность и конвертация (по П. Бурдьё) русского языка в добавленную стоимость труда среди кыргызов стали возможны благодаря языковой политике КР, выражающейся в т.ч. в отсутствии ограничений на использование русского языка в медиа, бизнесе, рекламе (*Kosmarskaya* 2015: 218). В республике сохраняется высокий статус русского языка: с 2000 г. он стал официальным и воспринимается “как второй государственный язык. <...> не знать, живя в городе, столице, как-то позорно считается” (№ 4, жен., 33 г., РТ). Выезжающие на заработки в Россию кыргызы

...свободно им владеют, все документы у нас на двух языках. Им проще легализовываться, меньше головомонок, в отличие от азербайджанских, таджикских, узбекских. Все документы в переводе не нужны. Каждый перевод 1200 стоит через нотариуса. Это все деньги, это все время опять же. И с киргизами проще работать — они свободно владеют русским, знают. И на более такие должности устраиваются. <...> И с какой-то базой знаний приезжают, а не то что наобум приехал, ни бе ни ме ни кукареку, ни даже элементарно в маршрутке прочитать на русском, куда что едет (№ 7, муж., 42 г., РТ).

Владение русским языком в КР — это показатель социального успеха (*Orusbaev et al.* 2008: 137). Во время экспедиции зафиксирован достаточно высокий уровень владения русским языком и его использования жителями республики. На нем представлена вся визуальная информация в обследованных городах (таблички с названиями улиц и магазинов, реклама, объявления). Мы не заметили грамматических ошибок в написаниях и не испытывали языковых сложностей при обслуживании в магазинах, отелях, банках. За исключением двух информантов из Ошской области, интервью с которыми проводилось с помощью переводчика, все респонденты свободно или с небольшими затруднениями изъяснялись на русском

языке. Информанты, родившиеся в советское время, с пиететом вспоминали школьных преподавателей русского языка. Жители Оша сожалеют, что такие учителя уехали из региона и в школах наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров. Русский язык имеет большое значение как необходимый большинству кыргызских мигрантов ресурс (в отличие от религиозного капитала). Среди информантов не оказалось людей, которым ислам принес бы какие-то материальные, статусные или иные дивиденды. Возможно, это связано с замеченной бо́льшей светскостью кыргызов (в сравнении с узбеками и таджиками, о чем свидетельствуют наши предыдущие исследования).

Социальный капитал

Социальный капитал у кыргызов — это семья как воплощение инкорпорированной формы капитала, позволяющей нарастить его другие типы. В каждом интервью подчеркивалось: “У нас обычно через знакомых, через родственников едешь. В основном цепочка. Некоторые первопроходцы сами едут, а потом уже подтягивают всех остальных” (№ 28, муж., 52 г., КР); “...там (в России. — *Авт.*) все вместе, самостоятельно никто не поедет” (№ 13, муж., 30 л., КР). Выезжают супружескими парами, в компании с родственниками. Причиной выбора российского города становится наличие в нем членов семьи: “Рассматривал вообще Российскую Федерацию, любое место. Потом остановился в Татарстане, потому что у меня здесь бабай (свояки. — *Авт.*), теща давно, уже лет 15. И тещины братья тоже здесь давно граждане” (№ 7, муж., 42 г., РТ).

Все информанты рассказывали о помощи, которую они оказывают своим: «Родственники звонят, говорят: “Хочу работать в Москве, поищи”. Я говорю: “Хорошо”. <...> Я поговорил с начальником. Так и устраивали. Только дворниками и уборщиками ...почти 50 уборщиц, всех родственников (устроил. — *Авт.*). И дворниками 40-45, половина родственники, половина знакомые» (№ 9, муж., 36 л., КР). У кыргызов-предпринимателей зачастую также работают родственники: “...в Люблино, в Москве. Шью и им отправляю. <...> Сестренка в Питере работает. Товар отправляет” (№ 19, жен., 50 л., КР). Почти всегда рассказывалось о совместном проживании кыргызских семей в России: “Мы шестеро двухкомнатную снимали. Все мои родственники, братья, сестра” (№ 4, жен., 30 л., КР). Семейный характер миграции кыргызов объясняется несколькими причинами: стремлением сохранить семью (“Каждый свою семью сохранить хотят” [№ 5, жен., 55 л., РТ]); необходимостью моральной поддержки (“Если бы с семьей туда поехал, то может быть более-менее. А если один человек там работает, то тяжело” [№ 17, муж., 50 л., КР]); следованием традициям (“...это обычай. У нас свадьба, надо туда-сюда ездить с родственниками. Близкие отношения. Все вместе” [№ 7, муж., 30 л., КР]).

Среди респондентов оказались и те, кто мигрировал с помощью разных людей неродственного круга: посредников (“Сестра и муж — они вдвоем ездили по приглашению фирмы” [№ 2, муж., 60 л., КР]), друзей (“Подружка с мужем сюда [в Казань. — *Авт.*] приехали... Потом на мою ситуацию посмотрев, позвали меня” [№ 5, жен., 55 л., РТ]), коллег (“...один парень есть и девушка — они тоже там [в фирме в Бишкеке. — *Авт.*] работали. Они туда, я в Фейсбуке смотрел, уехали [в Москву. — *Авт.*]. ...я им как-то пишу... предлагают в Москву поехать” [№ 23, муж., 35 л., КР]) или односельчан (“Друг из нашего села приехал туда, начал работать и своих тянет односельчан туда. С села, наверное, сейчас человек 20 в их парке работают” [№ 25, муж., 50 л., КР]). Тем не менее респондентов, стремящихся устроить к себе соотечественников, оказалось немного. Лишь один информант сообщил, что отдает предпочтение кыргызам при подборе сотрудников. У предпринимателей, работающих на рынке в Казани, как удалось заметить, трудятся местные женщины — русские, татарки, чувашки.

Семейный капитал кыргызов приносит и отрицательные эффекты. Из-за выезда родителей теряется связь с детьми (*Бредникова, Сабирова* 2015): “Сестра мужа присматривала сначала (за детьми, пока родители трудились в России. — *Авт.*)” (№ 8, жен., 42 г., КР). Происходит феминизация миграции¹⁵, которая, по нашим наблюдениям, сильнее всего проявляется в кыргызской среде. Женщины-кыргызки, “в отличие от узбеков, таджиков... более свободные” (эксперт № 2, РТ). Они мобильны и, как правило, первыми выезжают в Россию, оставляя мужей и детей. Традиционализм кыргызов в семейной сфере позволяет им получить экономический эффект от миграции за счет включения в нее супругов, ближайших родственников, но одновременно трансформируется институт семьи, что приносит социальные потери.

Человеческий капитал

Знания, умения и навыки — значимый ресурс для части кыргызских мигрантов.

Кейс “медицинский техник”. Респондент — гражданин КР, окончил техникум в Ташкенте. В 2014 г. он уехал на Чукотку по приглашению главного врача больницы, которому рекомендовал информанта его друг. Он “там хирургом работал. Мы здесь работали в нашей районной больнице”. После трудоустройства (“на 3 года договор заключал”) респондент ремонтировал медицинское оборудование.

...где были наши филиалы небольшие, ФАПы. Везде был и все что мог — все делал, наладил. <...> Стоматологическую установку не смогли собрать. <...> Главврач меня спрашивает: “Умеешь? Там стоматология?” ...я его за 40 минут собрал... Кран течет — кран сделал, свет не работает — свет сделал. <...> Вплоть до того, что там полгода свет отключился, никто не знает как. Пошел, автоматы вскрыл, нашел, все сделал, сдал. ...зарплата 50 тысяч, а сверху еще. За 40 минут делал все — 40 тысяч тебе премия.

Благодаря умениям он получил работу на севере, где “нет мигрантов, как в других городах. Там только специалисты. По приглашению, по вызову” (№ 18, муж., 50 л., КР).

Кейс “врач”. Информант — гражданин КР, окончил медицинский институт в Бишкеке, поступил в ординатуру в Москве. У него “диплом всероссийский, московский. Когда я начал учиться (кыргызстанский. — *Авт.*) диплом подтвердил. Квалификация российская”. Официально работает в Москве: по выходным в частных клиниках, “остальные дни рабочие — районная больница, травматолог”. В Оше строит дом и спортивный комплекс, чтобы сдавать его в аренду. Через два года, накопив опыт и получив высшую категорию врача, планирует вернуться в КР.

Здесь на хлеб можно заработать. Маленькая зарплата если, то люди отблагодарят нормально <...> Здесь, например, зарплата 4–8 тысяч... но отблагодарят люди сверху 20-ю тысячами. У меня там (в Москве. — *Авт.*) однокурсник работает, оперирует, опыт. Позову сюда. Покажет всем 2-3 операции. <...> Детские операции здесь же не делают вообще (№ 7, муж., 30 л., КР).

Подобные сюжеты о том, как приобретенный в КР человеческий капитал используется мигрантами в России и как он наращивается, приходилось слышать часто. Он конвертируется не только в экономический, но и в социальный капитал. Упомянутый врач за пять лет проживания в Москве “где-то 17 человек устроил медиков. <...> В частные клиники устраиваю, на кухню. Еще знакомый из большой строительной фирмы есть. У него медики нужны обязательно. ...в самом центре Москвы на работу устроиться очень трудно. А вот за чертой города, там можно спокойно” (№ 7, муж., 30 л., КР).

Стимулы и ограничители дальнейшей капитализации

Главным стимулом является ориентация подавляющей части информантов на получение гражданства РФ. В России у представителей старшего возраста “дети работают. ... у них там уже 3 ребенка родилось” (№ 14, жен., 52 г., КР). Кто-то предпринимает попытки оформить гражданство РФ и, несмотря на отказ, настроен решительно: “...пока еще там работаем, будем подавать. ...здесь (в КР. — *Авт.*) все равно нет работы. Приедем в год на один месяц — живем мы или не живем, но все равно там (в России. — *Авт.*) будем” (№ 15, жен., 27 л., КР). Описанная высокая ориентация кыргызов на семью во время миграции и наличие у некоторых ее членов российского гражданства увеличивают шансы реализации таких намерений.

Приобретаемый в России капитал будет приводить к его дальнейшему приращению в Кыргызстане. Многие информанты сообщали о материальных преобразованиях в их жизни (“Две машины купили, сейчас братьев поженить хотим” [№ 20, жен., 20 л., КР]; “...я заработал на машину, на Жигули, семерка” [№ 23, муж., 35л., КР]), делились планами покупки домов, земли, строительства или ремонта квартир в КР на деньги, заработанные в России. Процессу дальнейшего приращения капитала способствует зафиксированная в ходе исследования тесная связь кыргызов с родиной. Женщина, рассказывая о своем сыне, живущем с семьей в Москве и имеющем собственную квартиру, сообщила:

Он — патриот. Тем более он младший сын... А у нас закон: младший сын должен держать. Они уже шесть лет. И он каждый день пишет: “Мам, потерпите, 5-6 лет — и я приеду. Потом я вам помогу”. ...и сноха хочет вернуться, чтобы дети тоже здесь учились, именно в Кыргызстане. <...> Это все его хозяйство. <...> Сейчас то, что мы сделали, он будет сам дальше развивать (№ 26, жен., 55 л., КР).

Планирует вернуться и женщина, имеющая российское гражданство, бизнес и квартиру в Казани: “Я туда хочу, потому что дети, Родина. Че в старости я здесь нашла? Там интересы другие, по-другому живут и другие обстоятельства” (№ 5, жен., 55 л., РТ). Оформлять кыргызстанское гражданство она не хочет, т.к. недвижимое имущество в КР “кроме земельного участка можно оформить на себя, на российский паспорт” (№ 5, жен., 55 л., РТ). Она же рассказала о том, что своих дочерей “замуж отдала туда (в КР. — *Авт.*), своим. Потому что я люблю свою нацию и другую нацию я ни считаю, чтобы в семье. Интернационализм надо, но в моей семье, чтобы комфортно было, равенство” (№ 5, жен., 55 л., РТ). Ориентация на моноэтнические браки подпитывает интерес кыргызских мигрантов к поиску брачных партнеров среди соотечественников.

Кыргызские традиции тормозят капитализацию ресурсов у мигрантов («Здесь не хочу находиться, потому что если что-то сделаешь, все люди начнут осуждать: “Нельзя это! Ты же женщина!” ...а там [в России. — *Авт.*] всем все равно. Здесь местные начинают говорить: “Твой отец был таким-то...”. Не хочу это слышать» [№ 1, жен., 23 г., КР]), ограничивают наращивание экономического капитала. Информанты подчеркивали, что из-за “ритуальной экономики” (по М. Ривз) (свадебные и юбилейные торжества, на которых брачующихся и юбиляров принято одаривать дорогими подарками) заработанные деньги тратятся нерационально: “Я машину купил какую хотел (в России. — *Авт.*). Здесь, например, на машину не накопишь. Зарплату получил и тут же: у кого-то свадьба, у кого-то родственник” (№ 18, муж., 50 л., КР); “Там (в КР. — *Авт.*) можно жить, работать можно, но там расход больше. Там у нас свадьбы. Родственников полно, той, той, той, той (свадьбы. — *Авт.*). Каждый день той. Поэтому там деньги собирать, копить не сможешь. Здесь (в России. — *Авт.*) заработать можно и копить можно” (№ 9, муж., 38 л., РТ).

Несколько информантов не хотят связывать судьбу с Кыргызстаном:

...желания нет уже. <...> Там меня держат только родители. <...> Если они согласятся переехать в Казань и жить со мной — я буду только “за” <...> Потому что будущего своего в Киргизии я не вижу <...> Я в Киргизии мог работать 18 часов и зарабатывать в месяц 40 тысяч. А здесь, работая 9 часов, я могу в день тысяч 20 заработать (№ 8, муж., 27 л., РТ).

Такие информанты долго живут в России и, несмотря на эмоциональную связь с родиной, адаптировались к местным условиям («Я с детьми разговариваю, говорю: “Где хотите жить?” Старший говорит: “Я в Казани остаюсь”. Они здесь родились, у их даже основной язык уже русский. Я им на киргизском говорю, они думают, потом говорят: “Че ты сказала, мама? Я тебя не поняла”» [№ 4, жен., 33 г., РТ]), построили “новую жизнь” (“Я там замуж вышла. У меня дети там родились” [№ 20, жен., 20 л., КР]) и привыкли жить по российским стандартам (“Думали, что здесь будет лучше [в КР. — *Авт.*], потому что дети уже свой язык забыли уже, и будем здесь работать. Поработали и говорят, что зарплаты мало. После российских зарплат, естественно... в прошлом году уехали” [№ 18, муж., 50 л., КР]). Хотя из ответов респондентов ясно, что привязанность к родным местам сохраняется: “У меня друзья, у них гражданство российское. <...> Они в отпуск приезжают и обратно уезжают. Половину отпуска куда-то за границу, половину отпуска здесь” (№ 18, муж., 50 л., КР); “...детей отправляем на каникулы” (№ 4, жен., 33 г., РТ).

Информанты отметили в целом доброжелательное отношение россиян к кыргызским мигрантам: “Мне нравится Москва, русские тоже хорошие люди. Хочу работать там” (№ 10, жен., 40 л., КР); “Все хорошо там, работу найти легко... русским спасибо, они не смеются над нами” (№ 10, жен., 40 л., КР). Хотя некоторые подчеркнули, что “в Москве смотрят: уж, если приезжий, издеваются” (№ 6, муж., 50 л., РТ). Многие планируют работать в России (“...если зарплата хорошая там [в РФ. — *Авт.*] будет, то конечно поеду. С удовольствием поеду” [№ 23, муж., 35 л., КР]), очень благодарны принимающей их стране (“Никто сейчас в Кыргызстане не говорит о Российской Федерации, что плохой Россия... Работа хорошая, зарплата хорошая, там неплохо жить... Если бы Россия так много для нас не делала, то Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан намного ниже были бы” [№ 12, муж., 45 л., КР]) и испытывают к ней уважение (“Россия сколько раз помогает с Киргизией, сейчас так уважают. Российский паспорт у любого, все уважают” [№ 6, муж., 50 л., РТ]).

* * *

Исследование позволяет сделать заключение о наличии у кыргызских мигрантов в России различных капиталов. На рубеже 1990–2000-х годов началось формирование политико-правового капитала кыргызов, работавших в России. Предоставленные им облегченные условия оформления российского гражданства и вступление КР в ЕАЭС способствовали заметному росту среди них граждан РФ и увеличению числа тех, кто приезжает в Россию на заработки. Снижение расходов и облегчение процедур по легализации пребывания в Российской Федерации, освобождение от оформления патента на трудовую деятельность, отсутствие квот и требований об обязательной сдаче экзамена на знание русского языка, истории и основ законодательства России и об оформлении медицинской справки — все это стимулирует миграцию кыргызов в российские регионы. Вкупе с предоставляемым РФ доступом кыргызским мигрантам к социальному пакету, с признанием дипломов КР об образовании и профессиональной квалификации это расширяет возможности приезжающих при поиске работы. В результате происходит перерастание политико-правового капитала в экономический: в России кыргызы занимают более высокие

социально-профессиональные позиции и претендуют на более высокую оплату труда в сравнении с другими среднеазиатскими мигрантами.

В течение постсоветской миграции у кыргызов происходило наращивание политико-правового и экономического капиталов, чему, наряду с объективными обстоятельствами, способствовал и социальный капитал, инкорпорированный в семейные отношения. Практически все участники исследования сообщали о миграции вместе с семьей или о помощи со стороны ее членов, они часто говорили о совместной работе, проживании, ведении бизнеса. Такую ситуацию мы практически не фиксировали в предыдущих исследованиях среди других среднеазиатских мигрантов. Высокая ориентация на традиционные семейные ценности одновременно с относительно высоким социальным статусом кыргызской женщины, участвующей наравне (или даже более активно) в миграции и в бизнесе, позволяет приезжим из КР экономически более эффективно достигать цели своего перемещения в Россию, в т.ч. за счет подключения родственников, имеющих российское гражданство.

Отметим роль культурного и человеческого капиталов. Русский язык в среде кыргызов имеет стоимостное измерение: благодаря достаточно высокому уровню владения им они получают хорошие шансы при трудоустройстве и легче адаптируются в России. А имеющиеся в их распоряжении знания, навыки и умения на фоне облегченного порядка оформления пребывания и работы в стране только увеличивают эти шансы. Культурный и человеческий капиталы обладают свойствами ликвидности (имеют стоимостное измерение) и конвертации (способность перерастать в экономический капитал).

Накопление всех типов капитала у кыргызов, произошедшее в постсоветское время, объясняет концентрацию мигрантов из КР в отдельных регионах России. Позитивный потенциал традиционных установок, проявляющийся в высокой ориентации на использование семейных связей, относительное равноправие мужчин и женщин, высокая светскость, хорошее знание русского языка, отсутствие установки на работу в моноэтничном трудовом коллективе, а также особые политико-правовые возможности — все это простимулировало формирование экономически выгодных центров притяжения данной этнической группы. Не исключаем и наследие советской экономики: промышленные производства в СССР, привязанные к экономическим направлениям развития среднеазиатских советских республик, а также административное регулирование миграции в РСФСР уже тогда создавали основу для сосредоточения выходцев из Средней Азии на отдельных территориях страны.

Далеко не все участники исследования приобрели капитал. Среди них оказались и те, кто не смог использовать потенциальные или имеющиеся ресурсы и приехал домой ни с чем, а также те, кто не планирует выезжать на заработки, считая это нецелесообразным. Используемые и наращиваемые капиталы иногда приносят отрицательные последствия. Но в целом среди кыргызов произошла эффективная капитализация постсоветской миграции. Это подтвердило гипотезу второго уровня. В исследовании получены некоторые данные о капитале других этнических групп среднеазиатских мигрантов. Но в силу их нерепрезентативности пока не представляется возможным подтвердить/опровергнуть гипотезу первого уровня. Для этого требуется отдельное компаративистское исследование.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке Государственной программы Республики Татарстан (“Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 годы”, мероприятия “Организация комплексного исследования этнических диаспор и сообществ мигрантов Республики Татарстан по определению общего уровня их адаптации и интеграции, выявлению потенциальных и реальных конфликтогенных

и дестабилизирующих факторов в жизнедеятельности”; регистрационный номер 18.0047) и гранта Академии Финляндии (Suomen Akatemia) по проекту “Трудовые мигранты из Центральной Азии и Евразийский экономический союз: строим общий дом?” (№ 310853).

Примечания

¹ В 2016 г. в Россию из Кыргызстана прибыло 28 202 человека, в 2017 г. — 41 165 (Стат. бюллетень 2017, 2018).

² По оценкам экспертов число кыргызов, приезжающих на работу в РФ, после вступления КР в ЕАЭС увеличилось в два раза (Деловая электронная газета “Бизнес Online”. 16.05.2019. <https://www.business-gazeta.ru/news/424507>).

³ Республика Татарстан. Статистический ежегодник 2011. Татарстанстат, Казань, 2012. С. 71–73; Республика Татарстан. Статистический сборник 2016. Казань, 2017. С. 38–40.

⁴ Опрос, проведенный Национальным институтом стратегических исследований Кыргызстана в 2013 г., показал, что 97,2% мигрантов КР являются кыргызами (Thieme S. Living in Transition: How Kyrgyz Women Juggle Their Different Roles in a Multi-local Setting. https://www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Thieme_2008_GTD~12-3-03.pdf).

⁵ Данные предоставлены отделом внешней миграции Государственной службы миграции при Правительстве КР во время экспедиции авторов. Приводится статистика на август 2018 г.

⁶ Деминцева Е. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М.: Центр стратегических разработок. С. 11. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665> (дата обращения: 02.11.2019).

⁷ Этнографическое обозрение. 2012. № 4. Специальная тема номера: Этнография миграций (отв. ред. — С. Н. Абашии); 2017, № 3. Специальная тема номера: Возвращение мигрантов домой: перспективы антропологического изучения (отв. ред. — С. Н. Абашии); см. также: Ривз 2009.

⁸ По данным на 2013 г. 52,6% населения КР заявили, что владеют русским языком (Русские в Киргизии — как там житье-бытье нашим? // MigrantwebRU. 10.09.2014. <http://migrantweb.ru/m/articles/view/Русские-в-Киргизии-как-там-житье-бытье-нашим>). В государствах Средней Азии ситуация значительно хуже (...о русском языке в Киргизии // Демоскоп Weekly. 09.01.2012. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0493/gazeta016.php>).

⁹ Кухтенкова Е. На русском языке получают образование 90% студентов из Киргизии // Российская газета. 10.05.2018. <https://rg.ru/2018/05/10/na-russkom-iazyke-poluchaiut-obrazovanie-90-procentov-studentov-kirgizii.html>

¹⁰ Двойное гражданство: На перепутье... // Радио Азаттык (Кыргызская служба РСЕ/РС). 14.08.2013. https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_double_citizenship/25074862.html

¹¹ Аналитический доклад. Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. М., 2018. С. 62–64. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroes/dep_razv_integr/Pages/Новые_страницы/Доклад_КР_14.05.2018.pdf

¹² Насриддинов Э., Кожоева Т. Влияние вступления Кыргызстана в Евразийский экономический союз на жизнь кыргызских мигрантов в России. С. 31–46. https://www.academia.edu/32631919/Влияние_вступления_Кыргызстана_в_Евразийский_экономический_союз_на_жизнь_кыргызских_мигрантов_в_России.pdf (дата обращения: 26.07.2019).

¹³ Подольская Д. Мигрантам с иным гражданством могут разрешить покупать недвижимость в КР // ИА “24.kg”. 16.11.2018. https://24.kg/obschestvo/101428_migrantam_sinyim_grajdanstvom_mogut_razreshit_pokupat_nedvijimost_vkr

¹⁴ Подсчитано по данным Центрального банка РФ (Личные переводы в страны СНГ. http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#a_71415) и по данным МВД РФ (Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь–декабрь 2018 г. с распределением по странам и регионам. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053>).

¹⁵ В “Ашан” как на экскурсию. Как живут мигранты в Москве // STAN RADAR. 28.01.2014. <https://stanradar.com/news/full/7415-v-ashan-kak-na-ekskursiju-kak-zhivut-migranty-v-moskve.html>

Источники и материалы

Стат. бюллетень 2017 — Численность и миграция — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году // Статистический бюллетень. М., 2017. https://gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm

- Стат. бюллетень 2018 — Численность и миграция — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году // Статистический бюллетень. М., 2018. https://gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm
- Nasritdinov 2016a — Nasritdinov E. Migration in Kyrgyzstan — Pros and Cons // Academia.edu. 06.03.2016. https://www.academia.edu/4371887/Migration_in_Kyrgyzstan_-_Pros_and_Cons

Научная литература

- Абашии С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3—13.
- Безбородова Т.М. Экономическая составляющая международной трудовой миграции // Сибирский торгово-экономический журнал. 2012. № 16. С. 12—16.
- Бредникова О., Сабирова Г. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127—152. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf
- Варнаровский П.К. (отв. ред.) Из Азии в Сибирь, или в поисках “Нового света” (положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в Бурятии). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013.
- Варнаровский П.К. Экономические практики мигрантов из Центральной Азии: свободная торговля или этнический бизнес (на примере Краснокаменска) // Мигранты и принимающее сообщество в Байкальской Азии / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 87—88.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Вглядываясь в “этническое” сообщество: отличия характеристик интеграции в “земляческо-родственные” и “национальные” круги (на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве) // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 3 (109). Ч. 1. С. 24—37. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2015-14-3-1-24-37>
- Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А. Таджики и узбеки в Республике Татарстан: биографии диаспор и повседневные практики: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
- Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Оморова Н.И. Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.
- Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 159—179.
- Кочкин Е.В., Рочева А.Л., Варшавер Е.А. Этнический рынок сферы услуг Москвы на примере киргизских коммерческих организаций // Маркетинг услуг. 2014. № 4. С. 284—296. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/uwuli51wqd/direct/160879476>
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Институт социологии РАН, 2005.
- Мкртчян Н., Сарыгулов Б. Миграционная подвижность населения // Население Кыргызстана в начале XXI века / Под ред. М.Б. Денисенко. Бишкек: ЮНФПА, 2011. С. 214—246.
- Мухаметшина Н.С. Формирование рынка миграционных посреднических услуг (на примере Самарской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 163—166.
- Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука. 1975.
- Пешкова В.М. Среднеазиатские этнические кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 186—202.
- Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 4, сентябрь. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=20
- Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-66/4105-po-tu-storonu-ekonomicheskogo.html>
- Рочева А.Л. “Понаехали тут” в роддоме России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 367—380.

- Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Atamanov A., Van den Berg M. International Labour Migration and Local Rural Activities in the Kyrgyz Republic: Determinants and Trade-Offs // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31. No 2. P. 119–136. <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.671992>
- Bourdieu P. The Forms of Capital // Richardson J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. 1986. Westport, CT: Greenwood: 241–258. URL: <http://www.socialcapitalgateway.org/sites/socialcapitalgateway.org/files/data/paper/2016/10/18/rbasicsbourdieu1986-theformsofcapital.pdf>
- Fryer P., Nasritdinov E., Satybaldieva E. Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic // Central Asian Affairs. 2014. Vol. 1. № 2. P. 171–198.
- Kashnitsky D., Demintseva E. “Kyrgyz Clinics” in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // Medical Anthropology. 2018. Vol. 37. № 5. P. 401–411. <https://doi.org/10.1080/01459740.2017.1417280>
- Kosmarskaya N. The Russian Language in Kyrgyzstan: Changing Roles and Inspiring Prospects // Russian Journal of Communication. 2015. Vol. 7. № 2. P. 217–222. <https://doi.org/10.1080/19409419.2015.1044872>
- Nasritdinov E. “Only by Learning How to Live Together Differently Can We Live Together at All”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants’ Presence in Urban Russia // Central Asian Survey. 2016b. Vol. 35. № 2. P. 257–275.
- Orusbaev A., Mustajoki A., Protassova E. Multilingualism, Russian Language and Education in Kyrgyzstan // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008. Vol. 11. № 3–4. P. 476–500. <https://doi.org/10.1080/13670050802148806>
- Reeves M. Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy and the Feel of Law in Migrant Moscow // Social Analysis. 2015. Vol. 59. № 4. P. 119–136.
- Sagynbekova L. International Labour Migration in the Context of the Eurasian Economic Union: Issues and Challenges of Kyrgyz Migrants in Russia // University of Central Asia, Institute of Public Policy and Administration, Working Paper. 2017. No. 39. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3023259>
- Schmidt M., Sagynbekova L. Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27. № 2. P. 111–127. <https://doi.org/10.1080/02634930802355030>

Research Article

Gabdrakhmanova, G.F., E.A. Sagdieva, and P. Fryer. An Experience from Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital [Opyt izucheniia kyrgyzskoi migratsii v post-sovetskoi Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 54–70. <https://doi.org/10.31857/S086954150010048-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Gulnara Gabdrakhmanova | <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234> | medi54375@mail.ru | Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7a Baturin St., Kazan, 420111, Russia)

Elvina Sagdieva | <https://orcid.org/0000-0003-4510-9467> | elvina_n@inbox.ru | Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7a Baturin St., Kazan, 420111, Russia)

Paul Fryer | <https://orcid.org/0000-0002-9850-9205> | paul.fryer@uef.fi | University of Eastern Finland (P.O. Box 111, FI-80101 Joensuu, Finland)

Keywords

Russian Federation, Kyrgyz Republic, Kyrgyz, migration, capital forms, types of capital, capital conversion

Abstract

The history of migration itself plays a key role in shaping the strategies and practices of post-Soviet migrants from Central Asia, in which the Kyrgyz have managed to accumulate political, economic,

physical, human, social, and cultural capital. Its institutionalization, incorporation and materialization has led to high quality migration: there is a simplified procedure for staying in the country for the Kyrgyz coming to Russia, who have access to higher status work, have higher earnings in economically prosperous regions, are able to convert knowledge and skills into economic and social capital, and have stable networked social connections. Currently, there is a further capitalization of the resources available to Kyrgyz migrants, although there are many factors that stimulate and limit this process, including the entry of the Kyrgyz Republic into the Eurasian Economic Union.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Federal Support Program of the Republic of Tatarstan [18.0047]

Suomen Akatemia [grant number 310853]

References

- Abashin, S.N. 2012. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.
- Atamanov, A., and M. Van den Berg. 2012. International Labour Migration and Local Rural Activities in the Kyrgyz Republic: Determinants and Trade-Offs. *Central Asian Survey* 31 (2): 119–136. <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.671992>
- Bezborodova, T.M. 2012. Ekonomicheskaiia sostavliaiushchaia mezhdunarodnoi trudovoi migratsii [The Economic Component of International Labor Migration]. *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal* 16: 12–16.
- Bourdieu, P. 1986. *The Forms of Capital*. In: Richardson, J., *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport: Greenwood: 241–258. <http://www.socialcapitalgateway.org/sites/socialcapitalgateway.org/files/data/paper/2016/10/18/rbasicsbourdieu1986-theformsofcapital.pdf>
- Brednikova, O., and G. Sabirova. 2015. Deti v migrantskikh sem'iakh: roditel'skie strategii v transnatsional'nykh kontekstakh [Children in Migrant Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts]. *Antropologicheskii forum* 26: 127–152. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf
- Fryer P., E. Nasritdinov, and E. Satybaldieva. 2014. Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic. *Central Asian Affairs* 1 (2): 171–198.
- Gabdrakhmanova, G.F., and E.A. Sagdieva. 2016. *Tadzhiki i uzbeki v Respublike Tatarstan: biografii diaspor i povsednevnye praktiki* [Tajiks and Uzbeks in the Republic of Tatarstan: Biographies of Diasporas and Daily Practices]. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan.
- Gabdrakhmanova, G.F., E.A. Sagdieva, and N.I. Omorova. 2014. *Uchebnaia migratsiia v Respublike Tatarstan: adaptatsiia i integratsiia studentov iz gosudarstv Tsentral'noi Azii* [Educational Migration in the Republic of Tatarstan: Adaptation and Integration of Students from Central Asian States]. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani ANRT.
- Kashnitsky, D., and E. Demintseva. 2018. “Kyrgyz Clinics” in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants. *Medical Anthropology* 37 (5): 401–411. <https://doi.org/10.1080/01459740.2017.1417280>
- Kochkin, E.V., A.L. Rocheva, and E.A. Varshaver. 2014. Etnicheskii rynek sfery uslug Moskvyy na primere kirgizskikh kommercheskikh organizatsii [The Ethnic Market of the Services Sector of Moscow on the Example of Kyrgyz Commercial Organizations]. *Marketing uslug* 4: 284–296. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/uwuli51wqd/direct/160879476>
- Kosmarskaya, N. 2015. The Russian Language in Kyrgyzstan: Changing Roles and Inspiring Prospects. *Russian Journal of Communication* 7 (2): 217–222. <https://doi.org/10.1080/19409419.2015.1044872>
- Koulman, Dzh. 2004. Ekonomicheskaiia sotsiologiiia s tochki zreniia teorii ratsional'nogo vybora [Economic Sociology from the Point of View of the Theory of Rational Choice]. In *Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiiia: khrestomatiia sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology: Reader of Modern Classics], edited by V.V. Radaev, 159–179. Moscow: ROSSPEN.
- Kuznetsov, I.M., and V.I. Mukomel. 2005. *Adaptatsionnye vozmozhnosti i setevye svyazi migrantskikh etnicheskikh men'shinstv* [Adaptation Opportunities and Networking of Migrant Ethnic Minorities]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.

- Mkrtchian, N., and B. Sarygulov. 2011. Migratsionnaia podvizhnost' naseleniia [Migratory Population Mobility]. In *Naselenie Kyrgyzstana v nachale XXI veka* [Population of Kyrgyzstan at the Beginning of the 21st Century], edited by M.B. Denisenko, 214–246. Bishkek: YuNFP.
- Mukhametshina, N.S. 2013. Formirovanie rynka migratsionnykh posrednicheskikh uslug (na primere Samarskoi oblasti) [Formation of the Market of Migration Intermediary Services (on the Example of the Samara Region)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* 15 (5): 163–166.
- Nasritdinov, E. 2016. “Only by Learning How to Live Together Differently Can We Live Together at All”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants’ Presence in Urban Russia. *Central Asian Survey* 35 (2): 257–275.
- Orusbaev, A., A. Mustajoki, and E. Protassova. 2008. Multilingualism, Russian Language and Education in Kyrgyzstan. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11 (3–4): 476–500. <https://doi.org/10.1080/13670050802148806>
- Perevedentsev, V.I. 1975. *Metody izucheniia migratsii naseleniia* [Methods for Studying the Population Migration]. Moscow: Nauka.
- Peshkova, V.M. 2015. Sredneaziatskie etnicheskie kafe Moskvy: migrantskaia infrastruktura v gorodskom prostranstve [Moscow’s Central Asian Ethnic Cafes: Migrant Infrastructure in Urban Space]. In *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic Markets in Russia: Space of Negotiation], edited by V.I. Diatlov and K.V. Grigoriev, 186–202. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Radaev, V.V. 2002. Poniatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiia [The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia – elektronnyi zhurnal* 3 (4), September. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=20
- Reeves, M. 2015. Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy and the Feel of Law in Migrant Moscow. *Social Analysis* 59 (4): 119–136.
- Rivz, M. 2009. Po tu storonu ekonomicheskogo determinizma: mikro dinamika migratsii iz sel'skogo Kyrgyzstana [Beyond Economic Determinism: Microdynamics of Migration from Rural Kyrgyzstan]. *Neprikosnovennyi zapas* 4 (66). <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-66/4105-po-tu-storonu-jekonomicheskogo.html>
- Rocheva, A.L. 2014. “Ponaekhali tut” v roddomakh Rossii: issledovanie rezhima stratifitsirovannogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve [“I’ve Come Here” in Maternity Hospitals in Russia: A Study of Stratified Reproduction Regime Using the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 12 (3): 367–380.
- Sagynbekova, L. 2017. International Labour Migration in the Context of the Eurasian Economic Union: Issues and Challenges of Kyrgyz Migrants in Russia. In University of Central Asia, Institute of Public Policy and Administration, Working Paper. No. 39. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3023259>
- Schmidt, M., and L. Sagynbekova. 2008. Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey* 27 (2): 111–127. <https://doi.org/10.1080/02634930802355030>
- Sitnianskii, G.Yu., and V.I. Bushkov. 2016. *Migratsii naseleniia v Tsentral'noi Azii: proshloe, nastoiashchee i budushchee* [Population Migration in Central Asia: Past, Present and Future]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Varnavskii, B.K. 2011. Ekonomicheskie praktiki migrantov iz Tsentral'noi Azii: svobodnaia torgovlia ili etnicheskii biznes (na primere Krasnokamenska) [Economic Practices of Migrants from Central Asia: Free Trade or Ethnic Business (on the Example of Krasnokamensk)]. In *Migranty i priniimaiushchee soobshchestvo v Baikal'skoi Azii* [Migrants and the Host Community in Baikal Asia], edited by B.V. Bazarov, 87–88. Ulan-Ude: Buriatskii nauchnyi tsentr SO RAN.
- Varnavskii, P.K., ed. 2013. *Iz Azii v Sibir', ili v poiskakh “Novogo sveta” (polozhenie trudovykh migrantov iz Tsentral'noi Azii v Buriatii)* [From Asia to Siberia, or in Search of “New World” (the Position of Migrant Workers from Central Asia in Buryatia)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo “Buriatskii nauchnyi tsentr” Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk.
- Varshaver, E.A., and A.L. Rocheva. 2015. Vgliadyvaia's' v “etnicheskoe” soobshchestvo: otlichiiia kharakteristik integratsii v “zemliachsko-rodstvennye” i “natsional'nye” krugi (na primere migrantov iz Kyrgyzstana v Moskve) [Peering into the “Ethnic” Community: The Differences in the Characteristics of Integration in the “Companion-Related” and “National” Circles (for Example, Migrants from Kyrgyzstan in Moscow)]. *Sotsial'naia politika i sotsiologiia* 14 (3/109/1): 24–37. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2015-14-3-1-24-37>